

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

УДК 821.161.1 ББК Ш5(2Рос=Рус)3

Е. Н. Бекасова
Оренбург, Россия

ЛЕТОПИСЦЫ, «СВЕДУЩЕ ПРАВО, ГЛАГОЛЮТ»... (К 900-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»)

Аннотация. В статье рассматривается проблема вымысла и реальности повествования древнейших русских летописных сводов и на примере выстраивания летописной версии Крещения Руси показывается работа летописца, сосредоточенного не на фактологическом изложении, а на осмыслении величайшего события «обновленья жизни» и его значения для просвещения потомков.

Ключевые слова: «Повесть временных лет», Крещение Руси, разночтения летописных сводов, вымысел и реальность повествования.

E. N. Bekasova
Orenburg, Russia

CHRONICLERS, “IT IS EXPERT THE RIGHT, SPEAKS...” (TO THE 900 ANNIVERSARY OF CREATION OF “THE STORY OF TEMPORARY YEARS”)

Abstract. In this article is considered the problem of fiction and reality of a narration of the most ancient Russian annalistic arches and on the example of forming of the annalistic version of the Christianization of Kievan Rus work of the chronicler concentrated not on a factual statement, and on judgment of the greatest event of “life updating” and its value for education of descendants is shown.

Keywords: “Story of temporary years”, Christianization of Kievan Rus, different interpretations of the annalistic arches, fiction and reality of a narration.

*Се же не сведуще право, глаголють, яко <Владимир> крестился
есть в Киеве, инии же реша в Василеве, друзии же инако скажутъ
«Повесть временных лет», 988 г.
Первые опыты наших предков в искусстве
грамоты были посвящены Вере и деписанию
Н. М. Карамзин*

В «Повести временных лет» – уникальном памятнике мировой литературы, где книжники в течение многих десятилетий сводили всю имеющуюся у них информацию от сотворения мира по летам, в статье под 1037 годом летописец Нестор писал: «велика бо бывает полза от ученья книжного; книгами бо кажем (наставляемы) и учими есмы пути покаяню, мудрость бо обретаем и воздержанье от словесъ книжныхъ. Се бо суть реки, напаяюще вселеную, се суть исходница мудрости; книгамъ бо есть неисцетная глубина» [ПВЛ: 66].

Д. С. Лихачёв считал, что сравнение книг с реками «как нельзя более подходит к самой летописи», соединившей «многочисленные притоки – произведения разнообразных жанров, слившиеся здесь в единое и величественное целое» [Лихачёв 1996: 271]. «Величайшее произведение русской исторической мысли XII в. и русской литературы одновременно» [Там же: 352] «в своём неуклонном движении от прошлого к настоящему несло в себе широкое осмысление политической действительности своего времени» [Там же: 271], захватывая, втягивая и наполняя последующие местные, областные, а затем и общерусские летописи.

«Повесть временных лет», описывающая мировую и русскую историю до 1113 г., с момента своего

создания открывает любую русскую летопись, а её автор и составитель летописец Нестор за своё книжное подвижничество почитается как святой. Это произведение, «родное для всякого русского человека» [Лихачёв 1996: 271], само становится «исходником мудрости» и сопровождает общественную, политическую и культурную жизнь вплоть до Петра I, который не только, как и все предшествующие правители государства русского, воспитывался на летописях, но и первым начал собирание летописей и потребовал их издания.

Однако такой величественный и насковозь признанный достоинством и любовью к русской земле и значимый на протяжении многих веков памятник, естественно, становится объектом дискредитации и фальсификации. Но время всё расставляет на места – достаточно привести данные археологических разысканий, которые досконально подтверждают точность летописного повествования. Как справедливо утверждает Д. С. Лихачёв, «Повесть временных лет» «является как бы частью подлинной действительности того времени» [Лихачёв 1996: 358]. Однако объективность исторических описаний, помноженная на спор между истиной и правдой, заставляет задуматься над летописной реальностью, тем более что сентенция Сервантеса об историках,

которых надобно вешать на площади как фальшивомонетчиков, актуальна всегда, хотя и с поправкой на времена и нравы. Наивно думать, что летописные тексты и их своды не подвергались определённой правке политического, общественного, религиозного толка – владение историей всегда было владением мира. Но кропотливый труд летописцев и их редактирование текста не имело того размаха подчисток и замалчиваний, искажений и «переоборотов» (А. С. Пушкин), каких достигли впоследствии «фальшивоисторики», отзываясь на запросы власть предержащих и звонкую монету. К летописцу можно с полным правом отнести восприятие великих людей А. С. Пушкиным, защищавшим их величие и достоинство от толпы, которая «в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего» [Пушкин 1941: 524].

Ментальность древнерусского человека была совершенно иной, тем более это относится к книжникам-летописцам такого уровня как Илларион, Никон, Нестор, Сильвестр и др., «чтущих» прошлое и с достоинством верящих в великое будущее своей земли. Ибо и время было другое – Русь входила в новый христианский мир, пропитываясь культурой великих народов и высокими религиозно-нравственными ценностями, принятыми открытым – без лукавства и выгод – сердцем, сдобренными Верой и пониманием, что *«лепо бе благодати и истине на новы люди воссияти»* [Ил.: 38].

Гениальное провидение А. С. Пушкина предоставляет нам возможность всмотреться в образ русского летописца, который своей *«труд усердный, безымянный»* считает исполнением *«долга, завещанного от бога Мне, грешному»* – *«Недаром многих лет Свидетелем господь меня поставил И книжному искусству вразумил»* [Пушкин 1993, II: 428]. Полное отсутствие личных амбиций, минимальный индивидуализм и восприятие летописания как боговдохновенного дела определяют ответственность летописца прежде всего перед своими потомками – *«монахом трудолюбивым»*, который, *«пыль веков от хартий отряхнув, Правдивые сказанья перепишет, Да ведают потомки православных Земли родной минувшую судьбу, Своих царей великих поминают, За их труды, за славу, за добро – А за грехи, за тёмные деянья Спасителя смиренно умоляют»*. Он и своим саном (*«Тогда уж и меня Сподобил бог уразуметь ничтожность Мирских сует»*) [Пушкин 1993, II: 431]), и знаньем, и восприятием мира поднят над мелочностью сиюминутных страстей: *«Минувшее проходит предо мною – давно ль оно неслось, событий полно. Волнуясь как морю окиян? Теперь оно безмолвно и спокойно»* [там же], отсюда его привлекательность даже для Гришки Отрепьева, дерзнувшего выстроить свою историю: *«Как я люблю его спокойный вид, Когда, душой в минувшем погрязённый, Он летопись свою ведёт... Ни на челе высоко, ни во взорах нельзя прочесть его сокрытых дум; Всё тот же вид смиренный, величавый...»* [Пушкин 1993, II: 429].

А. С. Пушкин, изучавший «старинные наши летописи» [Пушкин 1994, V: 237], воспринимал летописца своим гениальным чутьём поэта. Оценивая

деятельность «первого нашего историка и последнего летописца» Н. М. Карамзина [Пушкин 1994, V: 191], А. С. Пушкин подчёркивал его «целых 12 лет жизни безмолвных и неутомимых трудов» – занятия «историка историей, а не чем-то другим» типа «блестящей гипотезы о происхождении славян»: «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека» [Пушкин 1994, V: 93]. От древних летописцев в наследие Н. М. Карамзину достались «добросовестный рассказ» и «краски» – «нравственные его размышления, своею иноческою простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи» [Пушкин 1994, V: 191].

Сам Н. М. Карамзин проблему достоверности решает просто: «История не терпит вымыслов, изображая что есть или было, а не что быть *могло*. Но история, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примесь лжи, однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется; сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях» [Карамзин 1993: 9]. И именно «действия и характеры» составляют настоящую цену истории, с чем соглашается и А. С. Пушкин, цитируя Н. М. Карамзина [Пушкин 1994, V: 191], а в деписании мужей и заключена мудрость летописи.

Сомневаться в проницательности А. С. Пушкина невозможно: объективность летописца, поддерживаемая стыдом и совестью, направляемая Богом, была самой высокой пробы.

Однако в летописях – «вполне достоверных исторических источниках» [Шахматов 2001: 378] – имеются определённые отклонения от действительности, сдобренные вымыслом.

А. А. Шахматов, предпринявший беспримерные в науке разыскания древнейших русских летописных сводов и реконструировавший с высочайшей точностью и достоверностью на основании различных списков и редакций «Повести временных лет» (самая ранняя 1377 г.) Древнейший Киевский свод 1039 г. в редакции 1073 г. и Древнейший Новгородский свод 1050 г., сняв наслоения Киево-печерского свода 1070–1080 гг. и Начального киевского свода, первым указал на то, что осью, на которой крепилось летописное повествование, было сказание о начале христианства на Руси: «Я не сомневаюсь в том, что великое событие это сосредотачивало на себе напряжённое внимание последующих поколений русских людей; не сомневаюсь, поэтому, в возможности появления своей, оригинальной, независимой от болгар повести о крещении Владимира и земли Русской» [Шахматов 2001: 115]. При этом А. А. Шахматов с безупречной убедительностью реконструирует фактическую часть крещения в древней версии, и её переработку в последующих сводах.

Что же повлекло вытеснение фактов предыдущих версий и появление ряда несообразностей, противоречащих – на первый взгляд – исторической правде? И это несмотря на то, что А. А. Шахматов постоянно подчёркивает честность и достоверность повествования летописца (и Нестора, и его предше-

ственников), который «верно передавал» факты [Там же: 73], не мог «умышленно умолчать» [Там же: 67], всегда разбирался в источниках и «подыскивал причины» [Там же: 95, 97] и под. Однако, свивая сказочность и легендарность седой старины со свидетельствами очевидцев или книжного источника, «которых не могла бы удержать историческая песня или устное сказание» [Там же: 93], летописец должен был выстраивать свою версию.

Для изложения вариации Крещения Руси, «уклонившейся от исторической действительности», важным становится и значимость события, и слияние «в одно одновременных событий, придавших единство тому, что на самом деле такого единства не имело» [Там же: 102].

По восстановленному А. А. Шахматовым Древнейшему летописному своду, в 986 году к Владимиру приходят миссионеры с изложением своего закона (веры). Греческий философ Кирилл был самым убедительным, особенно после показа картины (*запаны*) страшного суда, когда «*Володимер же, вздохнув, рече: "Добро симъ о десную, горе же симъ о шуюю"*» [ПВЛ: 48]. И Владимир, вероятнее всего, крестился в Киеве. Но «Повесть временных лет» данное обстоятельство ставит под сомнение: «*Се же не сведуще право, глаголють, яко крестился есть в Киеве, инии же реша в Василеве, друзии же инако скажутъ*» [ПВЛ: 50] – и скажет иначе, причём свидетельство «право» «находит себе опору не в народных воспоминаниях, не в устных преданиях и церковных легендах, а в книжной, искусственной комбинации» [Шахматов 2001: 115].

Уже составитель следующего за Древнейшим Начального свода вкладывает в уста Владимира уклончивый ответ: «*Пожду и еще мало*», *хотя испытати о всех верах*» [ПВЛ: 48]. И только на следующий год Владимир собирает совещание бояр, где выбирают 10 «испытателей» вер, которые в итоге крестились в Царьграде, ибо там служба Богу была такова, что они не поняли, где пребывали – на небе или на земле, и не смогли забыть «*красоты тоя, всякъ бо человекъ, аще вкусить сладка, последи горести не приимаеть*» [ПВЛ: 49]. Ещё одним аргументов бояр в пользу «*закона греческого*» стало его приятие «*бабой*» Владимира Ольгой, которая «*бе мудрешии всех человекъ*» [там же]. Было решено принять крещенье, «*где лобо*» Владимиру. Но наступил 988 год – и Владимир пошёл на Корсунь.

А. А. Шахматов доказал, что некая нелогичность и растянутасть окончательного текста летописного повествования обусловлена введением в него Корсуньской легенды «второй половины или даже последней четверти XI в.» [Шахматов 2001: 102], порождённой ещё памятными для киевлян разрозненными фактами крещения Руси и благородной целью их объяснения в соединении «факта крещения Владимира с фактом победы над греками» [Там же: 116], при этом летописцу-христианину трудно было примириться, что уже крещённый Владимир осаждают и завоёвывает христианский греческий город.

Сам факт крещения Руси и резкого поворота к новой религии Владимира до сих пор представляет

ся явлением духовно-таинственны, в том числе закрытым даже для первых летописцев завесой времени. Митрополит Илларион в своём знаменитом «Слове о Законе и Благодати» (между 1037–1943 гг.) над гробом Владимира вопрошал: «*Како верова? Како разгореса въ любовь ко Христу? Како въселился въ тя разум выше разума земныхъ мудрець?... Како взиска Христа, како предася ему? Повеждь нам, рабомъ твоимъ, повеждь же, учителю нашъ! <...> Дивное чудо*» [Ил.: 46]. Известный историк русской церкви А. В. Карташев феномен крещения сладострастного язычника, только что принёсшего двух христиан в жертву своим идолам, также считает проявлением чуда перерождения сильной и широкой природы в поисках света и мира – «воссиявший в сердце его разум» помог войти в святую купель [Карташев 1993: 110–117], что созвучно выводам Иллариона: «*Съвлече же ся убо каганъ нашъ и с ризами ветъхааго человека, съложи тленна, отрясе прахъ неверия и вълезе въ святую купель*» [Ил.: 44]

Следует согласиться с А. А. Шахматовым, что «чудесные события, приведшие Русь к крещению, будили фантазию, давали пищу поэтическому творчеству» [Шахматов 2001: 102]. Летописцам необходимо было осмыслить, как «*Володимеръ же просвещень самъ, и сынове его, и земля его*» [ПВЛ: 54], соединить эти события, затуманенные временем, политическими намерениями и государственными тайнами, оваянными чудом просвещения верой и книжностью, в *со-бытие*, значимое и знаменательное для потомков.

И в «Повести временных лет» в качестве объясняющего корсунскую осаду разрабатывается мотив добывания Владимиром невесты династии гордых Порфирогенитов – единственных истинных императоров вселенной. Видимо, это было продолжением притязаний ещё легендарной Ольги, в гениальном своём промысле пожелавшей «выйти из чёрного тела варваров» [Карташев 1993: 99], снискав невесту семьи византийских василевсов своему сыну Святославу, но императорский двор показал «глухоту и слепоту к христианским возможностям нового великого народа» [Там же: 101]. Владимир, выполняя завет своей бабки, берёт реванш, заставив силой вернуть долг византийских императоров Василия и Константина за помощь в подавлении восстания Варды Фоки. Родство с сестрой византийских императоров «открывало надежды на получение от Византии всех благ и секретов от первенствующей во всём мире культуре и прочного вхождения проснувшегося русского варвара в круг равноправных членов христианской семьи народов» [Карташев 1993: 116].

Всё повествование древнейших летописных сводов было направлено на утверждение достоинства нового христианского народа, креститель которого подобен великому Константину – «*се есть новый Константинъ великого Рима*» [ПВЛ: 58], – как тот с матерью своей Еленой веру утвердил по всему миру, так и Владимир со своей бабушкой Ольгой веру утвердил по земле своей [Ил.: 48]. Мотив нового, но не последнего и ветхого мощно звучит уже у Иллариона, который всё свое гениальное Слово выстраивает

на контрасте Закона и Благодати – ветхого и нового: «не вливают бо вина новаго учения благодетьна въ мехы ветхы ... Нъ ново учение – новы мехы, новы языки!» [Ил.: 38]. В «Повести временных лет» об этом сразу же говорит Владимир, «позна Бога сам и людье его»: «Христе Боже, створивый небо и землю! Призри на новые люди сия» [ПВЛ: 53]. А далее тема постоянно варьируется при неизменном утверждении богоизбранности новых людей и их победах над дьяволом: «и мы въ обновленъ жизни поидемъ... Ветхая мимоидоша, и се быша новы люди христьянскии, избрани Богомъ» [ПВЛ: 50], «новые люди си, им же обратилъ еси сердце в разумъ, познати тебе, Бога истиннаго» [ПВЛ: 54], «нови людье, просвещении Святымъ Духомъ» [ПВЛ: 58], «радовашеся Ярославъ, а врагъ сетовашеться, побеждаемъ новыми людymi христианскими» [ПВЛ: 67].

Так «сбыться пророчество на Русьтеи земли» [ПВЛ: 51], которое принадлежит призванному первым ученику Христа. В летопись вводится легенда об Андрее Первозванном, которому для апостольского служения был положен Восток с будущей Русью. «Святой Ондрей, брат Петровъ» [ПВЛ: 9], прорицавший почти за девять веков до Крещения Руси будущую славу Киева, «яко на сих горах восияеть благодать Божия» [там же], сообщил апостольское измерение Руси не только теологически, но и исторически. И вслед за летописцами уже Иван Грозный с уверенностью отстаивает самобытность церковных обрядов от апостола Андрея: «Греки нам не евангелие. Мы верим Христу, а не грекам. Мы получили веру при начале христианской церкви, когда Андрей, брат св. Петра, приходил в эти страны» [цит. по: Карташев 1993: 49].

Желание «притчется к великим языцем» было чрезвычайно острым на Руси, поэтому появляются анахронизмы – к Владимиру приходит философ по имени Кирилл, что даёт основание ряду исследователей отнести первое крещение Руси к хозарской миссии Кирилла [Карташев 1993; Трубачёв 1987], то есть к первому крещению Руси незадолго до 863 г. А в Софийской кормчей XIII в. начало Устава князя Владимира свидетельствует о том, что он «восприял святое крещение от грецького царя и от Фотия патриарха царьгородьскаго» [цит. по: Карташев 1993: 92] – учителя Константина–Кирилла, который в своё время крестил болгарского царя Бориса. В этом символическом стремлении утвердиться на равных новому народу, способному «истинныя благодети удержатъ учение» [Ил.: 38], было желание отстоять свои государство и церковь «от обидного и узкого круга аристократического деспотизма греков» [Карташев 1993: 160] и агрессивности католической церкви. Для древнерусского книжника реальным было осознание значимости своей земли, её славы и известности, причём Владимир получает более высокий статус, чем новый Константин: «Хвалитъ же похвальными гласы Римскаа страна Петра и Паула... Похвалимъ же и мы, по силе нашихи, малыми похвалами велика и дивна сътворившааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашейи земли, вьнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже ... мужьствомъ же и

храбрьствомъ прослуша съ странахъ многах, и победами и крепостью поминаются ныне и словуть. Не въ худе бо и неведомее земли владычествоваша, нъ въ Руське, иже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли» [Ил.: 44].

В связи с этим отклонения от прямой исторической линии были важны для летописи – они придавали событиям объёмность временного континуума, ибо накапливались и осмыслялись не только с точки зрения прошлого, но всегда оттачивались на оселке будущего – в величии которого не сомневались! Поэтому в летописи «нет и тени сознательной выдумки: всё, что в ней описано принималось летописцем за действительность – были ли то исторические, реально имевшие место события или содержание собственных верований летописца. Вот почему «Повесть временных лет» не только повествует о русской истории, но сама является одним из существеннейших проявлений русской жизни, русской истории, русской культуры той поры» [Лихачёв 1996: 358].

Н. М. Карамзин, наш первый историк и последний летописец, указывал: «Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний ...» [Карамзин 1993: 11]. Следует добавить, что нравственная ответственность летописца перед Временем, Русской землёй и Богом была чрезвычайно высокой и важнее истории как голого факта: он писал «священную книгу народов», а «народ с жадностью внимал сказаниям летописцев» [Там же: 6] – и летопись сама творила историю. Обретаемая мудрость в бесконечном – «да ведают потомки» великие и «тёмные» (в том числе и скрытые завесой времени) деянья – для летописца подчинялась главному – жизнь движется не ничтожностью мирской суеты, а великими событиями и мужами. И это «исходище мудрости» – ведание, правое, правильное, правдивое, было устремлено на созидание будущего.

ИСТОЧНИКИ

Ил. – Слово о Законе и Благодати митрополита Иллариона // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева и др. – Т. 1 (XI–XII века). – СПб.: Наука, 1997. – С. 26–61.

ПВЛ – Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва / изд-е 2-е, испр. доп. – СПб.: Наука, 1996. – 668 с.

ЛИТЕРАТУРА

Карамзин Н. М. История государства Российского / коммент. А. М. Кузнецова. Т. I–IV. – Калуга: Золотая аллея, 1993. – 560 с., ил.

Карташев А. В. Собрание сочинений: В 2 т. – Т. 1: Очерки по истории русской церкви. – М., 1993. – 686 с.

Лихачёв Д. С. «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк) // Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва / изд-е 2-е, испр. доп. – СПб.: Наука, 1996. – С. 271–358.

Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. V. – Санкт-Петербург: Библиополис, 1994. – 708 с.

Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. II: Поэмы. Сказки. Драматические произведения. – Санкт-Петербург: Библиополис, 1993. – 624 с.

Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. – Т. 14. Переписка 1828–1831 гг. – М.: АН СССР, 1941. – 548 с.

Трубачёв О. Н. Несколько лингвистических глосс к моравско-паннонским житиям // Древнерусский литера-

турный язык в его отношении к старославянскому. – М.: Наука, 1987. – С. 30–45.

Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. – М.: Академический Проект. Жуковский: Кучково поле, 2001. – 880 с.

Данные об авторе

Елена Николаевна Бекасова – доктор филологических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург).

Адрес: г. Оренбург, ул. Советская, 19.

E-mail: sakralist@mail.ru

About the author:

Elena Nikolaevna Bekasova is a Doctor of Philology, Professor of Orenburg State Pedagogical University (Orenburg).